

Политическая риторика в России как объект интеллектуальной истории

Составители блока Тимур Атнашев, Михаил Велижев

Тимур Атнашев¹, Михаил Велижев²

Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft

Timur Atnashev and Mikhail Velizhev

Three Dilemmas of Intellectual History: The State of the Craft

Тимур Атнашев (Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Центра публичной политики и государственного управления, старший преподаватель; PhD) timur.atnashev@gmail.com.

Михаил Велижев (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор школы филологических наук факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук; PhD) nun.ce.problema@gmail.com.

Ключевые слова: интеллектуальная история, язык и авторские интенции, иллокутивные и перлокутивные речевые акты, массовая культура, Кембриджская школа

УДК: 930.2+808

В статье предлагается анализ трех методологических аксиом, разделяемых большинством исследователей, и трех дилемм интеллектуальной истории Нового и Новейшего времени, которые решаются историками по-разному:

Timur Atnashev (PhD; Senior Lecturer, Senior Researcher, Center for Public Politics and State Management, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) timur.atnashev@gmail.com.

Mikhail Velizhev (PhD; Professor, School of Philology, Faculty of the Humanities, National Research University "Higher School of Economics") nun.ce.problema@gmail.com.

Keywords: intellectual history, language and author's intentions, illocutionary and perlocutionary speech acts, mass culture, Cambridge School

UDC: 930.2+808

This article offers an analysis of the methodological axioms, shared by most researchers, and three dilemmas of the intellectual history of the early modern period and the contemporary period, which are solved by historians in different ways: language conventions

- 1 Статья написана в рамках научно-исследовательской работы РАНХиГС «Моральные основания публичных дискуссий в современной России: общественный язык конструктивных коммуникаций» в 2021 году.
- 2 Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

языковые конвенции vs. авторские интенции, иллокутивные vs. перлокутивные эффекты речевых актов, элитная vs. массовая коммуникация. Опираясь на труды историков, опубликованные в настоящем номере журнала, авторы стремятся показать диапазон работающих стратегий разрешения каждой из представленных дилемм при анализе русскоязычного политико-лингвистического материала.

vs. author's intentions, illocutionary vs. perlocutionary effects of speech acts, and elite vs. mass communication. Based on the works of historians published in the current issue of this journal, the authors aim to show the range of working strategies of solving each of the dilemmas at hand while working with Russian-language political and linguistic material.

Интеллектуальная история начала формироваться как отдельное исследовательское направление в 1950—1960-е годы и в настоящий момент переживает расцвет, если судить по количеству публикаций, числу научных школ и неизменному интересу читательской аудитории. Как показывают ответы ведущих специалистов, собранные в сборнике «Intellectual History: 5 Questions», объекты исследования интеллектуальных историков весьма разнообразны — в диапазоне от политико-философских, художественных или изобразительных текстов до поведенческих жестов и проявлений различных эмоций, а дисциплина в целом не сводима к одному методологическому знаменателю [5 Questions 2013]³. Более того, под определение «интеллектуальные историки» попадают ученые, которые многие годы активно полемизировали друг с другом (таков, например, случай К. Гинзбурга и Х. Уайта). Р. Уотмор, автор одной из наиболее авторитетных книг по истории интересующей нас науки («Что такое интеллектуальная история?», 2016)⁴, отмечает, что в англоязычном мире ее часто отождествляют с Кембриджской школой истории политической мысли, однако на деле речь идет о куда более широком по теоретическим установкам и кругу интересов сообществе [Whatmore 2016: IX]. Многообразие тем и методологических ходов, конечно, свидетельствует об успехе интеллектуальной истории, однако с неизбежностью ставит вопросы и о ее идентичности: не является ли ее исследовательская программа слишком размытой и неопределенной? не скрывается ли за «модным» лейблом содержательная дисперсность, которая не позволяет говорить о ней как о едином научном направлении?

Настоящая статья и блок в целом продолжают серию более ранних публикаций о практике и методологиях интеллектуальной истории в мире и в России⁵. В первой части работы мы кратко сформулируем общие положения, разделяемые большинством исследователей, чьи труды можно связать с занимающей нас научной повесткой. Во второй части и в последующих текстах блока материалов мы хотим вынести на обсуждение результаты оригинальных разысканий о политической риторике на русскоязычном материале XIX — начала XX века, а также с их помощью заострить характерные проблемы ме-

-
- 3 Среди участников сборника Д. Белл, М. Бевир, Р. Шартье, К. Гинзбург, Х.У. Гумбрехт, Дж. Израэл, К. Палонен, Ф. Петгит, Дж.Г.А. Покок, Кв. Скиннер, Р. Уотмор и др.
 - 4 Перевод монографии Уотмора сейчас готовится к печати в издательстве «Новое литературное обозрение».
 - 5 Подробнее см. статьи, посвященные методологии Кембриджской школы, возможностям ее применения на русском материале, политической риторике и теории визуальности, микроистории, соответственно в 134-м, 135-м, 146-м и 160-м номерах журнала «Новое литературное обозрение».

тодологического выбора, стоящего перед интеллектуальными историками. Безусловно, мы не претендуем на исчерпывающий анализ всего дисциплинарного поля, но стремимся очертить репертуар ответов на три типичных, с нашей точки зрения, теоретических вызова и на конкретных примерах описать, пользуясь термином Покока, *the state of the art*⁶, или, вернее, *the state of the craft* российской интеллектуальной истории в глобальном (западном) контексте.

Три аксиомы интеллектуальной истории

Если мы отождествим интеллектуальную историю с ее кембриджским вариантом, то проблема неопределенной идентичности почти исчезнет: в этом случае на первое место выйдет четко очерченная совокупность контекстуалистских методов, позволяющих работать с разнородным материалом. Однако следует признать, что с интеллектуальной историей часто ассоциируются не только подходы Кв. Скиннера, Дж.Г.А. Покока, Дж. Данна и их последователей, но и многие другие влиятельные направления, такие как *Begriffsgeschichte* (история понятий), дискурс-анализ М. Фуко или Эссекской школы, а также работы ярких и оригинальных историков культуры и идей — Э. Графтона, Р. Дарнтона, Р. Шартье, К. Гинзбурга и др. Существуют ли методологические основания, позволяющие говорить обо всех этих специалистах как об «интеллектуальных историках», которые пользуются принципиально отличным от других гуманитарных наук инструментарием?

Опираясь на недавние обобщающие работы Р. Уотмора [Whatmore 2016], Р. Уотмора и Б. Янга [Whatmore, Young 2006; 2016], Ст. Коллини [Collini 2016] и П. Гордона [Gordon 2012], мы можем выделить три связанных, но вполне различных, хода, или аксиомы, скрепляющих теоретическую идентичность интеллектуальной истории:

- а) признание автономности и самоценности прошлого как объекта исследования;
- б) работа с культурной дистанцией и перевод аргументов и идиом прошлого на понятный сегодня язык;
- в) предпочтение интеллектуального по форме (хотя и не всегда по сути) дискурса другим объектам анализа.

Далее мы кратко рассмотрим три эти базовые положения.

По справедливому утверждению Уотмора, интеллектуальных историков объединяет признание самостоятельной ценности текстов и высказываний прошлого и мировоззрения живших прежде людей [Whatmore 2016: 97]. У этого предпочтения есть цена, которую необходимо платить. С антипрезентистской установкой связан один из самых значимых вызовов, с которым столкнулась интеллектуальная история в конце XX века: обвинения в нарочитой и бесполезной любви к древности. Особенно часто упреки в «*antiquarianism*’е» адресовались историкам политической философии, поскольку они имели дело

6 См. название теоретической статьи Покока, предвещающей его книгу «Добродетель, торговля и история», — «The State of the Art» (1985). Ее русский перевод см.: [Покок 2018].

с предметом, прямо относившимся к актуальным проблемам настоящего, но погружались порой в материи, на первый взгляд, далекие от современности. Как соотносятся изыскания о прошлом с повесткой сегодняшнего дня? Представители Кембриджской школы (ставшие мишенью интенсивной критики) по-разному реагировали на призыв быть полезными здесь и сейчас. Скиннер прямо показал, как происходит переход от генеалогии современного государства и генезиса республиканской теории как уникального репертуара забытых политических идей и ходов к утверждению новых политических смыслов на рубеже XX и XXI столетий⁷. Покок, напротив, внешне стремился оставаться в рамках чисто историографических исследований, хотя его интерпретации скрытым, но вполне последовательным образом подразумевали критику ряда современных идеологий, включая современные формы республиканизма (см.: [Атнашев, Велижев 2020]). Так или иначе, интеллектуальный историк должен доказывать свое право заниматься тем, что нынешнему читателю может показаться старомодным или неинтересным. К счастью, есть еще один убедительный ответ на вопрос, как оставаться актуальным, не предавая интереса к ушедшим мирам и их интеллектуальным богатствам.

Здесь мы подходим ко второй фундаментальной черте интеллектуальной истории. Она предлагает особый способ размышлений о современности и истории, который подразумевает рефлексивность над дистанцией, отделяющей нас от живших в прошлом индивидов. Речь идет о своеобразном культурном переводе представлений и идей, циркулировавших прежде, на язык современной культуры [Whatmore 2016: 13, 99; Collini 2016: 8]. Необходимо признать, что наш сегодняшний, во многом национальный (дисциплинарный и пр.), способ оценивать мир не универсален и не обладает исключительным приоритетом в сравнении с мировоззрением людей прошлого. Однако, скажем, история политической философии — один из привилегированных разделов интеллектуальной истории — нужна не только для того, чтобы черпать из нее готовые истины или обосновывать авторитетом древности наши политические воззрения. Скорее, она представляет собой библиотеку неизвестных нам рецептов, написанных на множестве неизвестных нам языков, — набор ответов на разные политические вопросы, связанные с конкретными историческими ситуациями, в которых создавались тексты⁸. Следовательно, во-первых, необходимо понять, в чем эти ответы состояли или, вернее, могли состоять, реконструируя изменившиеся или потерявшие актуальность политические языки. И во-вторых, следует подумать о том, как ситуации прошлого соотносятся с более при-

7 П. Гордон видит в этом переходе к «продвижению» республиканских идей и в формулировке «третьей концепции свободы» прямое несоответствие ранней скиннеровской критике «презентизма».

8 Историки специально реконструируют оригинальный контекст, в котором автор задумывал и писал текст, чтобы отделить его от неизбежно добавляющихся новых коннотаций, которые часто вытесняют исходные замыслы и аргументы. Так, например, Ж.Ж. Руссо не мог иметь намерения вдохновить кого-либо на совершение Великой французской революции или даже снабдить аргументами сторонников революционных изменений, ибо считал, что страны с большой территорией не способны победить коррупцию и управляться демократически. В свою очередь, Дж. Локк, когда он на рубеже 1670-х и 1680-х годов создавал «Два трактата о правлении», не стремился оправдать «Славную революцию» 1688 года. В 1829 году, в момент написания первого «Философического письма», П.Я. Чаадаев не думал оспаривать сложившуюся в середине 1830-х годов уваровскую триаду.

вычными нам политическими контекстами. Только таким образом современные мыслители смогут сделать *инаковым* опыт частью своего бэкграунда⁹. Подобной сложноустроенной и, на наш взгляд, продуктивной работой по ресемантизации прежних смыслов и занимаются интеллектуальные историки вне зависимости от объекта исследования и избранного подхода. Одновременно прямое вопрошание классических текстов на предмет ответов на более поздние вызовы, не опосредованное изучением контекста и размышлением над культурной дистанцией, *не является* интеллектуальной историей (хотя, заметим, такой тип чтения давно написанных произведений сам по себе ценен и полезен) [Whatmore 2016: 15].

Третий общий для интеллектуальных историков аргумент, пожалуй, наиболее очевиден. Интеллектуальной истории при всем ее междисциплинарном разнообразии свойственно особое внимание к идеям, концепциям, философским конструкциям и теоретическим построениям. А. Лавджой в США, Р. Дж. Коллингвуд и И. Берлин в Великобритании оказали большое влияние на формирование «истории идей» в середине XX века. Уотмор указывает, что формула «интеллектуальная история» появляется в начале 1950-х годов. В 1970-е годы прежний термин уже сосуществует с новым, а затем «интеллектуальная история» постепенно, хотя и не полностью, вытесняет «историю идей» [Ibid.: 23, 27]. Подобная филиация подчеркивает унаследованное от отцов-основателей внимание интеллектуальной истории к идеям. Узколюбое предпочтение «интеллектуального» дискурса другим символическим формам общения, самовыражения и творчества (культуры в широком смысле), впрочем, дополняется важностью изучения контекста. За счет такого расширения «интеллектуальным» может быть как текст, так и его контекст, или же обе части исторического уравнения. Так, Гинзбург изучает мировоззрение еретика и самоучки-мельника XVI века по протоколам инквизиции, но при этом демонстрирует многообразные и неожиданные связи его представлений о мире с «высокой культурой», во многом опрокидывая само разделение «элитарного» и «плебейского». Уотмор открывает свою упоминавшуюся книгу увлекательной и провокационной интерпретацией смысла надписи, нацарапанной на стене остроумным бригадиром каменщиков в начале XIX века. Он показывает, как в тексте, созданном человеком не самого знатного социального статуса, появляются идиомы А. Поупа и Н. Макиавелли, а содержательным фоном служит типичная для Англии конца XVIII века критика «коммерческого общества» и (несбывшиеся) ожидания скорого краха будущего мирового гегемона.

Наконец, третье основание содержит в себе еще одну важную посылку — исходное предположение, что тексты, язык, аргументы и идеи имеют решающее значение для понимания человеческих намерений и действий. Это обстоятельство заставляет постулировать связь, во-первых, между интеллектуальной историей, изучением языка и исследованиями режимов социокультурной коммуникации и, во-вторых, между интеллектуальной историей и анализом политического мышления как сферы, в которой смыкаются индивидуальная и общественная природа гражданина, стремящегося воздействовать на других людей с помощью речевых актов.

9 Сходную революцию в антропологии произвели работы Кл. Гирца, показавшего необходимость и практическую возможность глубокого эмпатического понимания культурных универсумов и языков носителей далеких и «чужих» для нас культур.

Три дилеммы интеллектуальной истории

Первая дилемма может быть сформулирована следующим образом: в каком соотношении при интерпретации политических текстов находятся автор и язык? Развилка предполагает оппозицию двух подходов: а) мы прежде всего изучаем политико-лингвистические конвенции, придавая языку статус деятельного начала, воздействующего на агента, или б) мы прежде всего изучаем намерения и цели авторов как автономных и рациональных пользователей языкового инструментария. Влиятельные мыслители второй половины XX века, писавшие о «смерти автора» и деконструировавшие субъекта, предлагают радикальное решение дилеммы, указывая на суверенную власть и агентность дискурса, языка или даже внеязыковых сущностей, таких как биополитика или техника. Благоразумный читатель может заключить, что оптимальной стратегией станет аристотелевская золотая середина, или принцип *juste milieu*, когда историк отдает дань обоим подходам. Однако на деле следовать двум принципам в равной мере проблематично: как правило, специалисты более или менее явно предпочитают один из ходов (хотя и не отрицают значимость другого). Прекрасная иллюстрация нашего тезиса — разные стратегии ведущих представителей Кембриджской школы. Дж.Г.А. Покок в большей мере занимался реконструкцией языка, идиом и конвенций [Покок 2018], тогда как Кв. Скиннер в своих ранних трудах чаще рассматривал авторские интенции [Скиннер 2018]. При этом оба классика оговаривали важность, если не взаимную обусловленность, обеих исследовательских практик.

Вторая дилемма связана с перформативным характером политического языка. Интересующая нас версия интеллектуальной истории предполагает, что высказывание интерпретируется как действие, шаг, «ход» в общественной дискуссии, составляющей основное содержание политики. Представления о перформативности основаны на классическом для философии языка различении иллокутивных и перлокутивных речевых актов [Остин 1999: 94—102]¹⁰. Иллокутивные акты указывают на намерение говорящего и подразумевают возможность реконструкции смысла речевого действия в процессе коммуникации. Историк может спрашивать: а) каковы были намерения автора, когда он писал или говорил нечто?¹¹ Перлокутивные акты относятся к последствиям высказываний и к их рецепции. Ученый, исследующий перлокутивный акт, ставит вопрос иначе: б) в какой мере мыслителю и политику удалось реализовать собственное намерение? Смог ли он убедить аудиторию и если это так, то с помощью каких риторических средств? Каким образом его речь повлияла на дальнейший ход «языковой игры» и на политический процесс в целом в разных хронологических горизонтах? Скиннер в ранних статьях достаточно жестко отстаивал интерпретацию текстов как иллокутивных актов, указывая на невозможность или сложность оценки перлокутивных эффектов. Однако в дальнейшем его интерес отчасти сместился в область языка и перлокутивных актов: он стал изучать, как риторические матрицы, лежащие в осно-

10 Впоследствии эта философское различение было уточнено и подвергнуто критике, но для наших целей здесь важны не последующие дебаты, а исходная формулировка.

11 В классической формулировке К. Скиннера: «What the author was doing by writing...?». Подробнее см.: [Скиннер 2018].

ве того или иного текста, предопределяют его рецепцию на более глубоком уровне, то есть порой вне прямой связи с узко понятым авторским намерением [Skinner 2018; Palonen 2003: 133—172].

Наконец, *третья дилемма* (или, вернее, трилемма) касается вопроса о статусе агентов внутри политического сообщества при оценке смысла их политических высказываний. Сильно упрощая, мы предлагаем так классифицировать участников политического процесса: а) субъекты, облеченные властью и принимающие значимые решения; б) ученые, эксперты или интеллектуалы, в той или иной степени воздействующие на представления о политике первой группы лиц; в) широкий круг людей, вовлеченных в низовую или массовую политическую коммуникацию и слабо влияющих как на решения, так и на формирование политических смыслов¹². Представители Кембриджской школы традиционно сосредотачивались на первых двух категориях агентов, по умолчанию предполагая, что они действовали в едином символическом пространстве и исключали возможность исследовать более поздние периоды массовой коммуникации¹³. Однако в контексте континентальной истории два первых типа деятелей далеко не всегда составляли единый круг. Более того, если мы обратимся к событиям XIX—XXI веков, то удельный вес третьей группы агентов будет постепенно возрастать — по мере того, как политика становилась репрезентативной, массовой и «национальной» и все чаще базировалась на представлении о единой нации или народе, чья воля воплощалась в различных институтах политической системы (в диапазоне от плебисцитарного лидерства до многопартийной системы).

Практика интеллектуальной истории в России

В заключительной части мы покажем, как два современных автора, изучающих отечественную интеллектуальную историю, подошли к решению каждой из трех дилемм. М. Долбилов и Г. Карпи предлагают разные подходы к интерпретации и отбору исторического материала, имеющие важное методологическое значение. Их тексты могут выступать ориентиром для дальнейших штудий.

Первый подход к исследованию публичной политической коммуникации заключается в том, чтобы сосредоточиться на реконструкции авторских намерений, на основе анализа биографического или институционального контекста, внутри которого действовал агент. Согласно этой логике, люди наделены четкой субъектностью, их речь служит достижению определенных ими самими целей, а выбор языковых средств (жанра, риторических конструкций, лексики, тропов и др.) соответствует их представлениям об эффективности речевого акта. В статье **Михаила Долбилова** «Аттестация “верноподданнических чувств”: Министерство императорского двора и народные панегирики дому Романовых в 1860—1880-х годах» дан блестящий образец такого подхода. Материалом исследования служат стихотворные панегирики, адресованные российским императорам их подданными из низших сословий во второй поло-

12 Подробнее см.: [Атнашев, Велижев, Вайзер 2021].

13 При этом важной инновацией кембриджских классиков стало расширение круга первоисточников за счет привлечения к анализу текстов малоизвестных авторов в противовес исключительному вниманию к классическим текстам мыслителей первого ряда.

вине XIX века. Сочинитель панегирика стремился выразить исключительную преданность монарху, выходящую за пределы простого законопослушания. Эмоциональная компонента оказывалась одним из главных инструментов, позволявших не самым искусным стихотворцам засвидетельствовать свою поддержку самодержца.

Оригинальный материал и дизайн исследования позволяет Долбилову дать четкий ответ на вопрос о перлокутивных эффектах стихотворных обращений. Речевые акты валидировались или дисквалифицировались именем адресата панегириков, то есть монарха. Посредником между подданными и царем выступал специальный бюрократический орган — Министерство императорского двора. Решения о реакции суверена на проявление особой лояльности (в диапазоне от легкого порицания до денежных поощрений и грамот) готовили и тем самым «подсказывали» царю сотрудники и руководитель министерства. От чего зависела перлокутивная эффективность конкретных высказываний? Что гарантировало успех или обрекало на провал обращения подданных? Долбилов показывает, что, собственно, риторическая составляющая здесь большого значения не имела: литературного мастерства от сочинителей панегириков никто не требовал. Ключевых факторов было два: а) важность конкретного момента обращений, микроконтекст высказываний, смысл которого определяли прежде всего чиновники Министерства императорского двора, предлагавшие монарху то или иное решение; б) общая идеология царствования, предписывавшая либо включение низовых авторов в круг лиц, отмеченных монаршим благоволением, символизирувавшее соединение императора с его народом (Александр II), либо экономичный расход царской харизмы, подразумевавший резкое ограничение числа людей, ставших объектами персональной императорской милости (Александр III)¹⁴.

Наконец, важно, что речь идет о поздней и видоизмененной версии элитарного в прошлом жанра оды. В царствование Александра II панегирики создавались уже не близкими к монархам поэтами, а никому не известными крестьянами, разночинцами и чиновниками. Историк исследует трансформацию придворной культуры в формировавшуюся тогда новую политическую коммуникацию массовых современных обществ. Великие реформы существенно расширили круг (потенциальных) граждан и катализировали долгосрочные вызовы единоличному правлению в рамках имперских институтов. Неожиданным образом коллективные и индивидуальные обращения к царствующим особам стали публичным ответом на сигналы о недостаточной легитимности политического порядка. Так, Долбилов анализирует поведение сразу трех типов агентов — правителя, представителей бюрократического аппарата, выполняющего административные и экспертные функции, и подданных самого низкого звания.

Вторая историографическая статья блока — пионерская работа «Политический язык Ленина. Идиома “партийность”» **Гuido Карпи** — посвящена интерпретации ленинской риторики, чрезвычайно богатого и важного сюжета для всей политической культуры и философии XX века, который в силу ряда конъюнктурных обстоятельств остается до сих пор слабо исследованным¹⁵.

14 Открытым остается вопрос о действенности различных сценариев императорской власти, однако его решение требует привлечения иного материала и инструментария.

15 В процессе подготовки блока в печати появилась важная работа: [Калинин 2018].

Исходная стратегия Карпи в отношении дилеммы «автор vs. язык» двойственна, но в конечном счете «автор» каждый раз разрывает тонкую паутину смыслов и устоявшихся значений слов. Радикально прагматический характер ленинского политического стиля предопределяет фокус на намерениях творца-демиурга, создавшего не только новую языковую реальность, но и огромную экспериментальную страну. Филологическая специфика исследовательского взгляда позволяет Карпи отрефлексировать репертуар значений одного из ключевых концептов ленинской публичной речи. Последовательно реконструируя пятнадцать различных и часто почти никак не связанных между собой смыслов понятия *партийность* в работах революционера, историк приходит к выводу, что язык и его конвенции практически теряют способность к сопротивлению под напором изменчивого авторского намерения.

Задачи текущего политического момента требовали полной мобилизации всех средств, включая риторику, для убеждения сторонников или для публичного ответа оппонентам. Установить фиксированный набор значений политической идиомы по Пококу в данном случае оказывается просто невозможно. Каждая возникавшая ситуация лишала актуальности прежнюю семантику понятия и позволяла вместить в него новые смыслы вплоть до того, что ключевой концепт мог полностью исчезнуть из политической речи под воздействием специфической конфигурации политического контекста. После учреждения молодой Советской республики Ленину показалось, что стране нужна не партийность, а механизмы внепартийного и демократического контроля за растущим на его глазах партийно-хозяйственным аппаратом, что повлекло за собой отказ от использования понятия. Интересно, что постановка исследовательской проблемы в данном случае предполагает реконструкцию семантического ореола «партийности» не через наблюдение за преемственностью значений, а благодаря фиксации целой серии смысловых разрывов, резко расширявших содержательные валентности концепта. Карпи тщательно воссоздает авторские интенции в каждом из эпизодов почти двадцатилетней политической и интеллектуальной борьбы, которую вел Ленин, показывая, как именно и почему революционер менял семантику «партийности».

Перлокутивное воздействие ленинской речи на слушателей и читателей в статье отмечается, но косвенным образом. Во-первых, Карпи опирается на отзывы о ленинском стиле современников, признававших его удивительные напор и силу. Во-вторых, в самой интенции Ленина-полемиста заложен ярко выраженный повелительный мотив, намерение «овладеть сознанием собеседника» и «произвести максимум революционного действия», используя адекватную для конкретного случая тональность в диапазоне от насмешки до категорического и нарочито повторяющегося утверждения. Более того, обращаясь к разным собеседникам, будущий вождь мирового пролетариата постоянно искал нужные языковые средства. Строго говоря, эффективность ленинской речи (ее «функционально-прагматический характер») является для Карпи скорее допущением, чем предметом анализа или доказательства: определяющая роль Ленина и его риторики в политической истории XX века как бы снимает вопрос о перформативной силе его высказываний.

С точки зрения третьей дилеммы историк прежде всего рассматривает высший уровень политической коммуникации. Мы слышим речь лидера оппозиционной фракции подпольной партии, а затем вождя и создателя государства нового типа, обращенную к разным аудиториям — сторонникам, ко-

леблющимся, оппонентам и, наконец, к рабочим и крестьянским массам. С последними Ленин говорит на языке лозунгов, пытаясь выразить их самые сокровенные чаяния. Конечно, основное лексическое, синтаксическое и риторическое богатство материала ограничивается политической полемикой внутри круга образованных российских и немецких социал-демократов и революционеров. Основное внимание Карпи уделяет двум первым из выделенных нами категорий агентов, в данном случае неразрывно связанным, эскизно обозначая важность и специфику языка массовой коммуникации.

В кратком обзоре мы стремились указать на некоторые важные с нашей точки зрения особенности «ремесла» интеллектуальных историков. В теоретическом плане работы авторов настоящего блока опираются как на близкую нам традицию Кембриджской школы, так и на другие подходы в диапазоне от Ю.Н. Тынянова до Р. Уортмана. Как мы старались показать, разнообразие дисциплинарных установок расширяет репертуар методологических ходов, которые можно рассматривать как валидные решения в ответ на три ключевые дилеммы, стоящие перед интеллектуальными историками: языковые конвенции vs. авторские интенции, иллокутивные vs. перлокутивные эффекты речевых актов, элитная vs. массовая коммуникация. В каждой работе мы можем обнаружить три базовых предпосылки дисциплины, о которых мы говорили в первой части статьи: тексты и высказывания прошлого самоценны, требуют усилий по освоению и переводу их особого языка, а в фокусе внимания исследователей находятся интеллектуальные тексты и контексты высокой степени сложности, задающие горизонт осмысленных действий людей в данный период. Насколько убедительными и полезными представляются предложенные авторами решения и обобщения, мы оставляем судить заинтересованному читателю.

Библиография / References

- [Атнашев, Велижев 2020] — *Атнашев Т.М., Велижев М.Б.* Первооткрыватель республиканской традиции, или Как заниматься политической философией с помощью истории политических языков? // Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 821—850.
- [*Atnashev T.M., Velizhev M.B.* Pervootkryvatel' respublikanskoy traditsii, ili Kak zanimat'sya politicheskoy filosofiey s pomoshch'yu istorii politicheskikh yazykov? // Pokok J.G.A. Moment Makievelli: Politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya. Moscow, 2020. P. 821—850.)
- [Атнашев, Велижев, Вайзер 2021] — *Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т.* Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5—84.
- [*Atnashev T., Velizhev M., Weiser T.* Dvesti let opyta. Ot burzhuznoy publichnoy sfery k rossiyskim rezhimam publichnosti // Nesovershennaya publichnaya sfera: istoriya rezhimov publichnosti v Rossii. Moscow, 2021. P. 5—84.)
- [Калинин 2018] — *Калинин И.А.* Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 4. С. 605—617.
- [*Kalinin I.A.* Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2018. № 4. P. 605—617.)

- [Остин 1999] — *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов // *Остин Дж. Избранное* / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13—135.
- (*Austin J.* How to do things with words // *Austin J. Izbrannoe*. Moscow, 1999. P. 13—135. — In Russ.)
- [Покок 2018] — *Покок Дж.Г.А.* The State of the Art. (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142—188.
- (*Pocock J.G.A.* The State of the Art // *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* / Comp. by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 142—188. — In Russ.)
- [Скиннер 2018] — *Скиннер Кв.* Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53—122.
- (*Skinner Q.* Meaning and understanding in the history of ideas // *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* / Comp. by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow, 2018. P. 53—122. — In Russ.)
- [5 Questions 2013] — *Intellectual History Five Questions* / Ed. by M.H. Jeppesen, Fr. Stjernfelt, M. Thorup. Aarhus: Automatic Press, 2013.
- [Gordon 2012] — *Gordon P.* What is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood field. 2012. [Unpublished article.] (https://scholar.harvard.edu/files/pgordon/files/what_is_intell_history_pgordon_mar2012.pdf).
- [Collini 2016] — *Collini S.* The Identity of Intellectual History // *A Companion to Intellectual History* / Ed. by R. Whatmore, B. Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 7—18.
- [Palonen 2003] — *Palonen K.* Quentin Skinner. History, Politics, Rhetoric. Cambridge: Polity Press, 2003.
- [Skinner 2018] — *Skinner Q.* From Humanism to Hobbes. Studies in Rhetoric and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- [Whatmore 2016] — *Whatmore R.* What is Intellectual History? Cambridge: Polity Press, 2016.
- [Whatmore, Young 2006] — *Palgrave Advances in Intellectual History* / Ed. by R. Whatmore, B. Young. London: Palgrave Macmillan, 2006.
- [Whatmore, Young 2016] — *A Companion to Intellectual History* / Ed. by R. Whatmore, B. Young. Oxford: Wiley Blackwell, 2016.